

A movie poster featuring a woman with long brown hair and green eyes in the foreground, looking off to the side. In the background, another woman in a green dress stands in a window. The setting is a coastal town at sunset, with a lighthouse on a cliff and ships in the sea. The sky is dark with some clouds and birds.

Анна Ветрова

**7 шагов
до рассвета**

Анна Ветрова

7 шагов до рассвета

<https://litres.ru/74694649>

SelfPub; 2026

Аннотация

Двадцатилетняя Алиса привыкла, что мужчины видят в ней лишь красивую обёртку. Но всё меняется, когда за бабушкиным шкафом она находит старинный портрет — женщину с её лицом. Находка приводит Алису в галерею холодного и опасного Максима, между ними вспыхивает притяжение. Но у него есть прошлое, бывшая жена-хищница и опасные тайны. А рядом — обаятельный Артём, кажущийся воплощением надёжности.

Когда Алиса сталкивается с предательством самых близких, ей предстоит узнать: «хорошие парни» тоже лгут. Сможет ли она отличить настоящую любовь от красивой лжи?

«Семь шагов до рассвета» — чувственный, динамичный роман о том, что измена — это выбор, а настоящая любовь строится на честности. Семь шагов. Одна ночь. Рассвет, который изменит всё.

Содержание

Глава 1. Шкаф	5
Глава 2. Обещание, которое не сдержали	9
Глава 3. «Раевский-Арт»	13
Глава 4. Руки, которые знают	18
Глава 5. Двое у картины	22
Глава 6. Семьдесят первый	28
Глава 7. Надёжный	32
Глава 8. Бал на двух этажах	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Ветрова

7 шагов до рассвета

Семь шагов до рассвета

ЧАСТЬ

I

. «НАХОДКА»

Глава 1. Шкаф

Приморск просыпался медленно, как человек с похмелья. Туман лежал на булыжных мостовых плотным молочным слоем, чайки орали над портом так, будто делили между собой последнюю рыбу на свете, а где-то внизу, у причалов, гудел сухогруз, и этот гудок был слышен даже в четвёртом этаже старого дома на улице Якорной.

Алиса Воронова стояла в дверях бабушкиной комнаты и пыталась стряхнуть с плеч усталость. Смена в ресторане «Чайка» закончилась в половине второго ночи, потом ещё час она отмывала от себя запах жареного лука и чужих духов, а в семь утра бабушка, как обычно, уже гремела чайником. Спать Алиса не ложилась вовсе: проще было дотянуть до вечера на кофе и упрямстве.

— Алисонька, ты опять в этом? — Нина Сергеевна появилась на пороге кухни в вязаной шали, с седым пучком, из которого выбивалась одна непослушная прядь. От неё пахло лавандой и пирогами, как пахло всегда, сколько Алиса себя помнила. — Платье у тебя такое, что прохожие шеи свернут.

— Это единственное чистое, ба. — Алиса одёрнула облегающий тёмно-синий трикотаж, который действительно сидел на ней так, будто его шили по меловым меткам. Она давно привыкла к тому, как на неё смотрят: мужчины оценивающе, женщины с лёгким прищуром. Высокая, с тяжёлой

копной тёмно-каштановых волос, которую она наспех скрутила в небрежный пучок, с зелёными, золотистыми у зрачка глазами и пухлыми губами, она слишком рано поняла, что внешность — это одновременно валюта и клеймо. Её хотели. Её редко слушали.

— Чистое, — передразнила бабушка. — Пирог будешь?

— Буду. Только сначала сдвину этот шкаф, наконец. Ты просила ещё в августе.

Шкаф был чудовищем. Тёмный, дубовый, с резными виноградными гроздьями на дверцах, он стоял в бабушкиной комнате с тех времён, когда Алисиной мамы ещё не было на свете. Нина Сергеевна жаловалась, что за ним дует и что там завелась моль, но по-настоящему боялась, как поняла теперь Алиса, не моли. Каждый раз, когда внучка заговаривала о перестановке, бабушка находила причину отложить: то давление, то погода, то «потом, потом».

Сегодня «потом» закончилось. Алиса упёрлась плечом в тяжёлый бок, подтолкнула, и шкаф со стоном, как старый зверь, проехал по паркету на ладонь. Потом ещё. Из щели потянуло холодом, пылью и чем-то сладковатым, давно забытым.

Она заглянула в тёмный зазор. Там, между стеной и задней панелью, стоял плоский прямоугольник, завёрнутый в выцветшую льняную простыню и перевязанный бечёвкой.

— Ба, — позвала она тихо. — Тут что-то есть.

Из кухни не ответили. Алиса опустилась на колени, выта-

щила свёрток, сдула с него серую пыль и потянула за узел. Бечёвка рассыпалась почти сразу, как сухая трава. Простыня сползла на пол.

С холста на неё смотрела женщина.

Она была написана в полный рост, в тёмном изумрудном платье с открытыми плечами, на фоне морского окна, за которым клубился закат. Густые каштановые волосы падали на спину тяжёлой волной. Миндалевидные зелёные глаза с золотистыми крапинками смотрели прямо и чуть насмешливо. Пухлые губы были тронуты полуулыбкой — не радостной, скорее знающей.

Алиса почувствовала, как у неё немеют кончики пальцев. Это было её лицо. Не похожее, не «в чём-то напоминающее», а именно её, вплоть до крошечной родинки возле левого уголка рта, которую она так ненавидела в школе.

Только краска на холсте потемнела от времени и покрылась сеточкой кракелюров. Картине было, по меньшей мере, лет пятьдесят пять.

— Алиса.

Бабушка стояла в дверях. Алиса никогда не видела, чтобы лицо человека менялось так быстро. Только что Нина Сергеевна была румяной, живой, пахнувшей выпечкой, и вот перед ней стояла старая, бледная, как мел, женщина, вцепившаяся в косяк так, что побелели костяшки.

— Ба, кто это? Это... это же я. Или это мама? Кто её написал?

— Закрой, — выдохнула бабушка. — Закрой немедленно.

— Но ведь...

— Я сказала, закрой! — и в этом сорвавшемся голосе было столько страха, что Алиса, не раздумывая, набросила простыню обратно.

Они стояли друг напротив друга посреди комнаты, а за окном взревел очередной гудок, и чайки поднялись над крышами крикливой стаей.

— Объясни, — только и сказала Алиса.

— Не сейчас, — Нина Сергеевна провела дрожащей рукой по лицу. — Налей мне воды. Потом поговорим. Обещаю.

Алиса налила воды. Руки у неё тоже дрожали. Она отлично знала цену бабушкиным обещаниям: за двадцать лет жизни она научилась различать, когда «потом» означает «через час», а когда «никогда». Сейчас было что-то третье. Это «потом» пахло страхом.

Глава 2. Обещание, которое не сдержали

Разговор не состоялся ни вечером, ни на следующий день. Бабушка уходила в себя, как улитка в раковину: отвечала односложно, суежилась на кухне, подолгу сидела у окна, глядя на серую воду залива. Картину она велела спрятать в кладовке, под мешком с картошкой, и не показывать никому.

— Никому, слышишь? Ни подругам, ни мальчикам твоим.

— У меня нет мальчиков, ба.

— Тем лучше.

Алиса промолчала, но внутри у неё закипало упрямство. Она с детства была такой: чем плотнее перед ней закрывали дверь, тем сильнее хотелось её выбить. Рано оставшись без родителей — отец погиб в рейсе, когда ей было четыре, мать угасла от болезни через шесть лет, — она выросла в этой тесной квартирке, среди книг, фотографий и недомолвок. Бабушка была для неё всем: матерью, отцом, стеной, за которой можно спрятаться. И вот теперь эта стена вдруг оказалась с трещиной.

Поэтому на третий день Алиса сделала то, о чём бабушка просила не делать. Она достала картину, расстелила её на кухонном столе под яркой лампой и сфотографировала со всех сторон.

Дело было не только в любопытстве. Алиса мечтала стать реставратором, и мечта эта была такой настоящей, что иногда причиняла физическую боль. В детстве она часами сидела над старыми открытками, подкрашивая выцветшие уголки акварелью. Она закончила художественное училище с отличием, но на дальнейшую учёбу не хватило ни денег, ни времени, и вот уже два года носила подносы в «Чайке», выслушивала чужие комплименты вперемешку с пошлостями и откладывала деньги на мастерскую, которая существовала пока только в её голове.

Она знала, что видит перед собой не просто картину. Мазок был уверенным, свободным, профессиональным. Свет на плечах женщины будто шёл изнутри. Кто бы ни писал этот портрет, он умел любить то, что рисует.

— Ты с ума сошла, — констатировала Кира Соболева, когда Алиса показала ей снимки в кофейне. — Бабушка велела никому, а ты мне. Ну я, конечно, никому, но ты с ума сошла.

— Тебе можно, ты не «никто».

— Спасибо, я польщена, — Кира подмигнула и ловко взбила молоко в кувшине. Она работала за стойкой своей крохотной кофейни, которую пока держала не она, а хозяин, но к которой относилась как к собственной. Миниатюрная, светловолосая, с короткой стрижкой, с россыпью веснушек на носу и в вечных рваных джинсах поверх колготок в сетку, она выглядела как воробей, нарядившийся панком. Её голубые глаза всегда блестели, будто Кира только что придума-

ла что-то абсолютно безумное. — Слушай, а покажи-ка ещё раз... Господи, ну вылитая ты. Это как будто кто-то нарисовал тебя в прошлой жизни.

— Вот именно. Бабушка побелела, как простыня.

— Значит, нужно узнать, кто нарисовал. — Кира подперла щёку кулаком. — Знаешь, у кого можно спросить?

— У кого?

— У «Раевского». Ты что, не слышала? Галерея на набережной, «Раевский-Арт». Там хозяин такой, что только на картины и смотрит, больше ни на что. Говорят, он оценит любую вещь с первого взгляда и ни разу не ошибся. Правда, и характер у него... — Кира сделала страшные глаза. — Лёд.

— Я не могу просто прийти и...

— Ещё как можешь. Я тебя туда сама отведу. В субботу, в обед. У меня выходной.

Алиса хотела отказаться. Она открыла рот, чтобы сказать, что это глупая затея, что бабушка расстроится, что нужно подождать, пока она сама заговорит. Но вместо этого сказала:

— В субботу.

Кира расплылась в улыбке и протянула ей капучино с нарисованным на пене сердечком. В тот момент Алиса не знала, что только что сделала первый из семи шагов — тех самых, что приведут её к рассвету через такую ночь, о которой она пока даже не догадывалась.

В субботу утром она встала раньше обычного. Вытащи-

ла картину из кладовки, осторожно завернула в чистую простыню, а сверху в старый плед. Бабушки дома не было: по субботам Нина Сергеевна ходила на рынок за свежей сметаной. Алиса была почти благодарна этому совпадению и почти ненавидела себя за то, что ей не придётся лгать в лицо.

На пороге она задержалась. Со старой фотографии на стене, из рамки под стеклом, на неё смотрела молодая бабушка: тонкая, с гордой шеей, в светлом платье. Алиса вдруг уловила в этом снимке то, чего раньше не замечала. Взгляд. Такой же прямой, такой же знающий, как у женщины на картине.

Она закрыла дверь и, прижимая к груди завернутый холст, пошла вниз по гулкой лестнице. Хлопнула дверь парадной, и в лицо ей ударил солёный, пахнувший йодом ветер Приморска.

Глава 3. «Раевский-Арт»

Галерея стояла на набережной, как корабль, который по ошибке причалил к суше. Огромное пространство с белыми стенами и стеклянной крышей, сквозь которую вливался мягкий, словно просеянный, свет. Картины в золочёных рамах глядели друг на друга через зал, пахло деревом, свежей краской и ещё чем-то неуловимым, вроде дорогого кофе и тишины.

Алиса вошла, и её каблуки гулко стукнули по паркету. Она вдруг остро почувствовала, как нелепо выглядит с этим свёртком в руках, в простом тёмном платье и в старых ботильонах, которые стоптались на левой пятке.

— Вам помочь? — К ней обернулся высокий светловолосый парень в испачканной краской рубашке. Он стоял у лесов под потолком, с кистью в руке, и улыбался так открыто, что на подбородке у него образовалась ямочка. Спортивный, загорелый, с лукавыми голубыми глазами, он был похож на героя детского фильма о путешественниках. — Вы к кому?

— Мне нужен... хозяин. Господин Раевский. Я хотела показать одну картину.

— Все хотят показать нам картины, — весело сказал парень, прыгивая с лестницы. — Раз в неделю приходит кто-нибудь с «Мадонной» от прадедушки. Обычно она оказывается копией с открытки. Но я Артём. Артём Ланской. То-

же художник, местный, так сказать, штатный, и если что-то нужно, обращайтесь ко мне.

— Алиса.

— Алиса, — повторил он, будто пробуя имя на вкус. — Красиво. Только Максим Андреевич сейчас занят. Он... — Артём замялся, — он не любит, когда его отвлекают. Но я могу передать. Или показать вашу картину сам.

— Я предпочла бы подождать.

— Он может выйти через час, а может — через три.

— Я подожду.

Артём присвистнул и посмотрел на неё с уважением. Алиса сама не знала, откуда в ней взялась эта упёртость: то ли от бабушки, то ли от страха, что, если она сейчас уйдёт, то уже никогда не вернётся.

Она села на мягкую банкетку у стены, положила свёрток на колени. Артём предложил чаю, потом пирожное из соседней кондитерской, потом рассказал, что работает в галерее третий год, пишет морские пейзажи, но никак не выставит собственную серию, потому что «Максим Андреевич считает, что ещё рано». Говорил он легко, много и с удовольствием, и Алиса поймала себя на том, что отдыхает от тревоги рядом с ним. Он был простой, как тёплая булка.

А потом в зале стало тихо.

Не то чтобы замолчал Артём, он как раз продолжал рассказывать про закат на мысе. Просто воздух изменился: сгустился, нагрелся, стал внимательнее. Алиса подняла глаза.

В дверях кабинета, в глубине галереи, стоял мужчина.

Высокий, под метр девяносто, широкоплечий, в простой белой рубашке с закатанными по локоть рукавами. Тёмные волосы, коротко стриженные, лёгкая щетина на скулах, и пронзительные серо-голубые глаза, которые прошли через весь зал и остановились на ней, как стрелка компаса. Над левой бровью тянулся тонкий белый шрам.

Он ничего не сказал. Просто смотрел. Алиса, привыкшая к мужским взглядам и научившаяся отвечать на них иронией, вдруг обнаружила, что у неё пересохло во рту.

— Максим Андреевич, — вполголоса начал Артём, — девушка пришла с картиной, я...

— Я слышал. — Голос оказался низким, ровным, без лишних интонаций. Мужчина двинулся к ним через зал, и каждое его движение было выверено, словно он привык, что пространство освобождается перед ним само. — Максим Равевский. Покажите.

Ни приветствия, ни улыбки. Алиса неожиданно почувствовала злость. Эта злость была спасительной: она вернула ей голос.

— Здравствуйте, — сказала она холодно. — Меня зовут Алиса. Спасибо, что нашли время.

В серо-голубых глазах что-то мелькнуло. Может быть, удивление. Может быть, тень улыбки, которая тут же скрылась.

— Здравствуйте, Алиса. Покажите, пожалуйста.

Она размотала плед, потом простыню. И в ту секунду, когда на свет показался портрет женщины в изумрудном платье, она увидела, как лицо Максима Раевского дрогнуло. Едва заметно, на долю мгновения. Но она заметила. Заметил и Артём, потому что тихо спросил:

— Максим Андреевич? Всё в порядке?

— Оставь нас, Артём.

— Но...

— Оставь.

Артём пожал плечами, бросил на Алису извиняющийся взгляд и ушёл, насвистывая, к лесам. Максим опустил на корточки перед картиной. Он не прикасался к ней, только вглядывался, изучая мазки, сеточку кракелюров, угол, под которым падает свет.

— Откуда это у вас?

— Нашла дома. За шкафом у бабушки.

— У бабушки, — повторил он. Помолчал. — Вы знаете, кто на ней изображён?

— Я надеялась, что вы подскажете.

Он поднял голову. Теперь их лица были на одном уровне, и Алиса видела каждую ресничку, каждую морщинку у глаз. Он смотрел то на неё, то на портрет, то снова на неё.

— Вы понимаете, что это вы? — спросил он тихо.

— Нет, это женщина, которая... — Алиса осеклась. — Да. Я понимаю.

— Это не может быть вы. Картине полвека, как минимум.

— Тем страннее.

Что-то изменилось в его лице, смягчилось. Он поднялся и, не отрывая от неё взгляда, сказал:

— Мне нужно время, чтобы это изучить. Оставьте картину у меня.

— Нет.

— Нет?

— Простите, — Алиса твёрдо сжала простыню в кулаке. — Она не моя. Это бабушкина тайна, и я не имею права оставлять её у чужого человека, даже у такого, который выглядит так, будто знает, что делает. Но я могу приходить. Показывать. Если вы разрешите.

Максим долго молчал. Потом уголок его рта слегка дрогнул.

— Вы всегда так разговариваете с людьми, которые могут вам помочь?

— Только с теми, кто не говорит «здравствуйте».

Тишина. Алиса уже решила, что перегнула палку. И вдруг из его груди вырвался короткий, непривычный, будто давно не использовавшийся звук. Смех.

— Приходите в понедельник, — сказал Максим. — В десять. И приведите бабушку, если захочет.

— Она не захочет.

— Тогда приходите одна.

Глава 4. Руки, которые знают

В понедельник Алиса пришла в девять сорок. Она нарочно выбрала самое неяркое платье, серое, с длинным рукавом, но это не помогло: Артём, встретивший её у входа, присвистнул и сказал, что в сером она похожа на дымчатую кошку из рекламы.

— Не начинай, — улыбнулась она.

— Ничего не могу поделать. Ты слишком красива для того, чтобы с тобой можно было нормально разговаривать.

— Ты же разговариваешь.

— Это я силой воли.

Он проводил её в мастерскую при галерее: светлую комнату с огромным столом, стеллажами с красками, ватными тампонами и склянками с растворителями. Там уже ждал Максим. Он стоял у окна с чашкой кофе и смотрел на залив, и на мгновение Алиса увидела его не хозяином, не загадкой, а просто одиноким человеком у окна. Тут же он обернулся, и впечатление исчезло.

— Картина настоящая, — сказал он вместо приветствия.

— Масло, холст, начало семидесятых. Рука профессиональная. Возможно, ученик одной из петербургских школ. Подписи нет, но в левом нижнем углу есть следы, будто её соскоблили.

— Кто?

— Не знаю. Пока. — Он поставил чашку и взял из лотка тонкую кисточку. — Вы сказали, что учились на реставратора.

— Я... Откуда вы знаете?

— Вы вчера смотрели на кракелюры так, будто хотели их погладить.

Алиса почувствовала, как краснеет. Максим, кажется, это заметил, но не подал виду.

— Хочу посмотреть, что вы умеете. Вот. — Он поставил перед ней небольшой пейзаж в потемневшей раме, покрытый слоем жёлтого лака. — Эту работу мне принесли на оценку, она в ужасном состоянии. Очистите угол. Размером с ладонь. И покажите.

Это был экзамен. Алиса поняла сразу. Она подвязала волосы, вымыла руки, взяла ватный тампон, пропитала его растворителем и склонилась над холстом. И весь мир, галерея, тревога, насмешливые голубые глаза Артёма в дверях, стёрлись. Остались только лак, краска и тихая, бережная работа, в которой она растворялась без остатка.

Максим наблюдал. Артём, поначалу подтрунивавший, постепенно замолк. Алиса чувствовала на себе их взгляды, но это не мешало. Она сняла жёлтую плёнку, и под ней, как из тумана, проступило небо: неожиданно нежное, голубое, с сиреневыми облаками.

— Достаточно, — сказал Максим через сорок минут. Голос его прозвучал глуше обычного. — У вас есть руки.

— Это комплимент?

— Констатация. — Он на секунду помедлил. — Мне нужен реставратор. Штатный. Артём не справляется с объёмом, а приглашать из столицы дорого и долго. Оплата выше, чем в вашей «Чайке». Если, конечно, вы согласны.

Алиса молчала. Ей хотелось закричать, подпрыгнуть, расцеловать этого холодного человека в обе щеки. Вместо этого она выдохнула:

— А картина?

— Картина останется между нами. Я помогу вам выяснить, чья она. Но для этого вы должны быть здесь. Рядом. — Он замолчал, будто сам удивился тому, как это прозвучало. — В галерее, я имею в виду. С архивами и коллекционерами.

— Я согласна.

Максим кивнул. На секунду их взгляды встретились, и Алисе показалось, что воздух между ними слегка наэлектризован. Потом он отвернулся, и это ощущение растаяло, как дым.

Вечером она ждала Киру у «Звёздной кофейни», так в шутку называла Алиса маленькое заведение с жёлтыми абажурами. Кира выслушала новость и завизжала на всё помещение, так что парочка у окна обернулась.

— Реставратор! В «Раевском»! Ты понимаешь, что это значит?

— Что я наконец смогу заниматься тем, чем хочу.

— Что ты будешь работать с этим... ледяным красавцем!

— Кира.

— Что «Кира»? Я его фото видела. Шрам над бровью, серо-голубые глаза. Он как из фильма про шпионов. — Кира перегнулась через стойку и понизила голос: — А теперь признавайся. Ничего не ёкнуло?

— Ничего, — слишком быстро ответила Алиса.

— Врёшь.

— Он мой начальник. И он странный.

— Все хорошие мужчины странные. — Кира наполнила чашку и протянула подруге. — А тот, второй? Блондин, который ямочками улыбается?

— Артём? Он милый.

— Милый, — задумчиво протянула Кира. — Знаешь, что в таких случаях говорят? «Милый» — это диагноз.

Алиса засмеялась. Ей было легко, тепло и немного страшно, как перед прыжком в воду.

Домой она шла по набережной. Вечерний Приморск зажигал огни: жёлтые в окнах, красные на мачтах, золотые на куполе старого собора. Ветер трепал волосы. А в окнах «Ржевского-Арта» всё ещё горел свет, и в одном из них, на втором этаже, маячил силуэт мужчины. Он стоял неподвижно и смотрел на улицу.

Алиса не знала, видит ли он её. Но шаг почему-то сам собой замедлился.

Глава 5. Двое у картины

Прошла неделя. Потом ещё одна. Алиса втянулась в новую жизнь так естественно, будто всегда в ней жила. Утром она бежала по набережной в галерею, где её ждали запахи льняного масла и дамары, разноцветные склянки и тихий гул кондиционера. Днём она реставрировала, вечером забегала в кофейню к Кире, ночью возвращалась к бабушке, и та, подозрительно прищурившись, спрашивала:

— Ты что-то светишься.

— Это от рыбьего жира, ба.

— От рыбьего жира светятся только рыбы.

О картине бабушка молчала. Она не спрашивала, куда Алиса её дела. Не проверяла кладовку. Только иногда, вечером, подолгу сидела у окна, и в её молчании было что-то такое, от чего у Алисы сжималось сердце.

С Максимом они встречались каждый день, но разговаривали мало. Он заходил в мастерскую утром и вечером, смотрел на её работу, ронял несколько точных замечаний и уходил. Но Алиса научилась читать его молчание. Если он останавливался у двери на лишнюю секунду, значит, ему понравилось. Если вздыхал, значит, где-то был недочёт. Если стоял, прислонившись плечом к косяку, и смотрел, как она работает, значит... Она не знала, что это значит. Но от этих минут в мастерской становилось жарко.

А Артём был совсем другим: громким, шумным, смешным. Он приносил ей кофе в бумажных стаканчиках, рисовал на салфетках смешные карикатуры, провожал до остановки и однажды, когда пошёл дождь, накинул ей на плечи свою куртку. От куртки пахло красками, мятной жвачкой и чем-то домашним.

— Ты не думала, что мы могли бы сходить в кино? — спросил он в один из таких вечеров. Они стояли под козырьком остановки, и дождь шумел о жестяной навес. Голубые глаза Артёма смотрели с такой надеждой, что у Алисы защемило. — Просто в кино. Без обязательств.

— Артём...

— Я знаю, что ты скажешь. Что мы коллеги. Что это неправильно. Что ты не хочешь осложнений. Но я просто... — Он провёл рукой по светлым волосам. — Ты мне нравишься. С самого первого дня. Я не умею красиво говорить, я художник, я умею только рисовать. Поэтому можно я нарисую тебя? Не как ту картину. Как тебя.

Алиса молчала. В голове у неё стучало: «Скажи нет. Скажи нет. Это неправильно. Ты не хочешь этого». Но она не хотела и ранить его. Он был хорошим, этот парень с ямочкой на подбородке, и хорошим людям не принято отказывать.

— Давай в кино, — сказала она наконец. — Только в кино.

Артём просиял, и лицо его стало таким юным, что она не пожалела о своих словах.

Вечером в пятницу, после закрытия, она задержалась в

мастерской. Все давно ушли, лампы под потолком были выключены, горела лишь одна настольная. Алиса в сотый раз рассматривала свою картину: Максим разрешил оставить её здесь, в сейфе, и вынимать для работы по ночам. Он называл это «расследованием».

Она сняла простыню, посмотрела на женщину в изумрудном платье и вдруг, почти неосознанно, потянулась к левому нижнему углу, туда, где когда-то была подпись. Осторожно провела пальцем по шероховатой поверхности. Под лаком проступали какие-то следы. Не буквы. Скорее царапины. Что-то глубокое, нанесённое острым предметом.

— Вы всё ещё здесь.

Алиса вздрогнула. В дверях стоял Максим. Пиджак был брошен на плечо, галстук ослаблен, лицо усталое. Он выглядел так, будто только что с кем-то сильно поссорился.

— Простите, я не заметила, что уже...

— Не извиняйтесь. — Он прошёл в комнату и остановился рядом с ней, так близко, что она ощутила тепло его тела и слабый запах мужского парфюма с нотой кедра. — Нашли что-нибудь?

— Здесь, в углу. Мне кажется, подпись не просто соскоблили. Её покрасили поверх царапин. Если снять верхний слой...

— Вы рискуете повредить красочный слой.

— Я осторожна.

— Знаю. — Он помолчал. — Я видел, как вы работаете.

Вы не просто осторожны. Вы чувствуете картину. Будто разговариваете с ней.

Она подняла глаза. Максим смотрел не на портрет. Он смотрел на неё.

И вдруг, неожиданно для самой себя, Алиса сказала:

— Вы побледнели тогда, в первый день. Когда увидели картину. Вы её знаете.

Максим не ответил сразу. Он отошёл к окну, и на его плечах лёг холодный свет фонаря. Когда он заговорил, голос звучал глухо:

— Я не знаю этой картины. Но я видел эту женщину. Не на портрете. В жизни.

— Что? Где?

— В детстве. — Он повернулся к ней. — В доме моего деду. На чердаке, среди старых вещей, лежал такой же свёрток. Я был ребёнком, мне было лет восемь. Я развернул простыню, увидел женщину в зелёном платье, и дед, который никогда не повышал голос, схватил меня за шиворот так, что я заплакал. Он сказал: «Это не для твоих глаз».

— И что с ней стало?

— Не знаю. Дед умер через год. А чердак потом сгорел.

В мастерской воцарилась тишина. За окном мерцали огни порта, где-то далеко гудел последний паром. Алиса ощутила, как по спине бежит холодок.

— Значит, их было две, — прошептала она. — Две картины.

— Или больше. — Максим шагнул к ней. — Алиса, я не хотел вам говорить. Но, кажется, нам обоим придётся копать глубже, чем мы думали. Эта картина не просто портрет. Она часть чего-то большего. И кто-то очень не хочет, чтобы мы это узнали.

— Почему вы так решили?

Он молча достал из кармана телефон, открыл сообщение и протянул ей. Короткое, без подписи, с неизвестного номера, пришедшее пять минут назад:

«Раевский, не лезьте в это. Отдайте девчонку и картину тому, кто имеет на них право. Иначе пожалеете».

Алиса подняла глаза. Максим смотрел на неё очень серьёзно, и она вдруг поняла, что за этой каменной сдержанностью скрывается не холод, а тревога. Не за себя. За неё.

— Кто имеет право? — прошептала она. — И почему там сказано «девчонку»?

— Именно это нам и предстоит выяснить, — тихо ответил Максим.

А в кармане у Алисы коротко звякнул её собственный телефон. Сообщение от Артёма: «Завтра в семь, кинотеатр «Маяк». Не опаздывай. Я приготовил тебе сюрприз». И почти следом, второе, от неизвестного номера, того же, что писал Максиму:

«Алиса, спроси у бабушки, что случилось в семьдесят первом».

ЧАСТЬ

П

. «ДВА МУЖЧИНЫ»

Глава 6. Семьдесят первый

Кинотеатр «Маяк» был таким же старым, как половина Приморска: красный бархат кресел вытерся до проплешин, в фойе пахло попкорном и сыростью, а на стене висели пожелтевшие афиши фильмов, которых никто не помнил. Артём купил билеты на последний ряд, потом, смутившись, сказал, что не нарочно, просто там лучше видно, и Алиса рассмеялась, потому что он покраснел до ушей.

Но смотрела она не на экран.

Всю ночь она не спала. Лежала на узкой кровати под бабушкиным пледом и перечитывала короткое сообщение: «Спроси у бабушки, что случилось в семьдесят первом». Утром, когда Нина Сергеевна, ничего не подозревая, месила тесто на кухне, Алиса встала в дверях и произнесла эти слова вслух.

Скалка замерла.

— Откуда ты знаешь про семьдесят первый? — спросила бабушка, не оборачиваясь.

— Мне написали.

— Кто?

— Не знаю. Номер скрыт.

Нина Сергеевна медленно положила скалку, вытерла руки о передник и села за стол. Она вдруг показалась Алисе очень маленькой, будто за одну ночь усохла. Серые глаза, всегда

живые, смотрели куда-то в клеёнчатую скатерть.

— Я тебе всё расскажу, — сказала она. — Но не сейчас. Мне надо привыкнуть к мысли, что оно вернулось. Я думала, что это закончилось. Что я похоронила всё вместе с твоим дедом.

— Ба, мне пишут угрозы. Максиму тоже.

— Какому Максиму?

— Раевскому. Хозяину галереи.

При этом имени с лица бабушки сошла последняя краска. Она схватилась за сердце, и Алиса, испугавшись, бросилась к аптечке.

— Раевский, — выдохнула Нина Сергеевна. — Господи, Раевский. Неужели его внук...

— Что? Что ты о них знаешь?

— Ничего. Ничего, детка. Просто фамилия. — Бабушка отвела её руку с каплями. — Дай мне три дня. Только три дня. Я соберусь и всё скажу. А ты пока... будь осторожна. И не доверяй людям, которые слишком красиво говорят.

Алиса ушла из дома с тяжёлой головой. «Три дня» повисли над ней, как неразорвавшаяся бомба.

Теперь, сидя в тёмном зале кинотеатра рядом с Артёмом, она вспоминала все эти слова и пыталась собрать их в цельную картину, но кусочки не складывались. На экране двое целовались под дождём. Артём осторожно, будто боялся спугнуть птицу, коснулся её руки. Пальцы у него были тёплые, чуть шершавые от красок.

— Ты сегодня какая-то далёкая, — шепнул он.

— Прости. Много мыслей.

— Про картину?

Она кивнула. Рассказывать ему всё было нельзя: Максим просил держать расследование в тайне, да и сама Алиса не знала, где граница между доверием и глупостью.

— Знаешь, что, — прошептал Артём, наклоняясь к ней, — давай я не буду тебя ни о чём спрашивать. Просто посижу рядом. Хорошо?

И это было самое лучшее, что он мог сказать. Алиса прислонилась плечом к его плечу и впервые за двое суток выдохнула.

После сеанса они гуляли по ночной набережной. Артём купил два рожка мороженого, хотя было прохладно, и рассказывал, как в детстве мечтал стать капитаном, но боялся качки. Алиса смеялась. Он умел делать так, чтобы всё казалось проще. У ступеней к воде он остановился, взял её за руки и сказал:

— Алиса, я не прошу тебя ни о чём. Я просто хочу, чтобы ты знала: если тебе когда-нибудь понадобится плечо, я рядом.

И поцеловал её. Легко, неторопливо, с привкусом ванили. Это был хороший поцелуй, нежный и честный. Алиса ответила ему, закрыла глаза, и перед её внутренним взором вдруг возник не светловолосый парень с ямочкой, а серо-голубой взгляд человека, стоящего у окна мастерской.

Она отстранилась так резко, что Артём растерялся.

— Что-то не так?

— Нет, — солгала она. — Просто холодно.

Он накинул на неё куртку. Шёл рядом, обнимая за плечи, и ничего не замечал. А Алиса смотрела на чёрную воду залива и думала: «Что со мной происходит?»

Глава 7. Надёжный

Две недели Алиса жила, как между двумя берегами.

Днём она работала в мастерской. Максим по-прежнему появлялся там дважды в день: утром, с чашкой кофе, и вечером, когда за окнами уже темнело. Он по-прежнему говорил мало. Но теперь между ними всё чаще повисали те длинные паузы, в которых слова становились лишними.

Однажды он принёс ей рулон старых архивных документов и сказал:

— Здесь каталоги выставок начала семидесятых. Если ваша картина когда-нибудь была в экспозиции, нужно найти упоминание. Но будьте осторожны: бумага ломкая.

— Вы думаете, её выставляли?

— Думаю, её прятали. А спрятанное оставляет следы там, где его пытались стереть.

Они провели над каталогами весь вечер. Сидели за широким столом, склонившись над листами, и Алиса ловила себя на том, что слишком хорошо слышит его дыхание. Когда их руки случайно столкнулись над одной страницей, оба замерли. Максим убрал ладонь первым. Спокойно, будто ничего не произошло. Но желваки на его скулах напряглись.

Они нашли только одну зацепку: упоминание о частной выставке в Приморске в мае семьдесят первого года, где фигурировала некая «Женщина у окна». Автор не указан. Ор-

ганизатор — «товарищество любителей изящных искусств». Больше ничего.

— Это слишком мало, — вздохнула Алиса.

— Это начало. — Максим откинулся на спинку стула и потёр переносицу. Он выглядел измотанным. Тёмные круги под глазами, складка между бровей. — Вы устали. Идите домой.

— А вы?

— Я останусь.

— Вы всегда остаётесь, — вырвалось у неё. — Вы живёте в этой галерее?

— Почти.

— Почему?

Он посмотрел на неё долго, без улыбки.

— Потому что дома меня никто не ждёт.

Алиса ничего не ответила. Ей хотелось сказать что-то тёплое, глупое, ненужное, но она сдержалась. Просто взяла сумку и пошла к выходу. На пороге обернулась. Он по-прежнему сидел за столом, склонившись над бумагами, и в свете лампы казался особенно одиноким.

А вечером ждал Артём. Он встречал её у галереи с букетом ромашек. Простых, полевых, перевязанных нитяным бантиком. И почему-то эти ромашки растрогали её сильнее, чем розы, которые ей дарили в «Чайке» липкие мужчины.

— Артём, ты не должен...

— Я хочу. — Он вложил цветы ей в руки. — Хочешь, пой-

дём ко мне? Я приготовлю пасту. У меня сегодня настоящее вдохновение.

И она пошла.

У Артёма была крошечная студия в мансарде: косой потолок, окно в крыше, мольберты, холсты, банки с кистями. На стенах висели морские пейзажи, светлые, наивные, пронизанные воздухом. Он действительно умел рисовать, только в его картинах не хватало боли. Алиса вглядывалась в них и думала: «Он счастливый человек. Ему не надо ничего скрывать».

Они ужинали на полу, на разостланном пледе, пили дешёвое красное вино из гранёных стаканов, и Артём рассказывал о своей семье: мама-учительница, отец-инженер, младшая сестра, которая живёт в Новосибирске. Обычная, тёплая, немного бестолковая семья. Алиса слушала и чувствовала странную тоску, как от чужого окна, за которым горит свет.

— А ты? — спросил он, когда бутылка опустела. — Ты никогда не рассказываешь о себе.

— Мне почти нечего рассказывать. Родители умерли. Бабушка меня вырастила. Я работала официанткой. Мечтала о реставрации. Всё.

— Тебе не страшно? Быть совсем одной?

— Привыкаешь.

Артём придвинулся ближе, обнял её за плечи, и она положила голову ему на грудь. От него пахло краской и мятой.

Она подумала, что, наверное, вот так и выглядит безопасность: тёплые руки, дешёвое вино, ромашки в банке из-под огурцов.

— Знаешь, — прошептал он ей в волосы, — я никогда не сделаю тебе больно. Клянусь.

Она хотела ответить, что клятвы мало что значат. Что мужчины легко дают обещания, когда им ничего не стоит их дать. Но промолчала. Просто закрыла глаза.

Только поздно ночью, возвращаясь домой по пустым улицам, она вдруг подумала, что за весь вечер ни разу не вспомнила про картину. И про сообщения. И про Максима. Она ещё не знала, что это не облегчение. Это просто усталая память прячется, чтобы потом ударить с новой силой.

Глава 8. Бал на двух этажах

Галерее исполнялось десять лет. Максим не любил праздников, но Стас Громов, его старый друг и совладелец, настоял: пригласим всех, устроим приём, привлечём спонсоров.

Стас был человеком-горой. Лысый, огромный, с татуировками на мускулистых предплечьях, с добродушной улыбкой, всегда в чёрном, он напоминал то ли бывшего боксёра, то ли добрую овчарку. Алиса сначала побаивалась его, но уже на второй день он принёс ей в мастерскую пакет горячих пирожков и сказал: «Ты ешь мало, а работаешь много. Так не пойдёт». С тех пор они подружились.

— Тебе надо платье, — заявил Стас за три дня до вечера.
— Не пугайся, я не про то. Просто у нас приём серьёзный, все в вечернем. Если денег нет, я могу...

— У меня есть платье, — солгала Алиса.

У неё не было ничего. Все деньги уходили на бабушкины лекарства и квартиру. Но она не хотела брать ничего ни от Стаса, ни тем более от Максима. Поэтому вечером после работы она побежала к Кире.

Та, выслушав, открыла шкаф и выудила оттуда нечто тёмно-красное, шёлковое, воздушное.

— Это моё свадебное, — сказала Кира.

— Ты замужем?

— Нет. Это платье я купила на распродаже, потому что

оно было слишком красивым, чтобы оставлять. Всё равно мне оно мало. А тебе...

Алиса надела. Платье село идеально, будто его шили по её мерке: облегалось грудь, подчёркивало талию, мягко струилось по бёдрам до самого пола. Открытая спина, тонкие бретели. Кира прижала ладони к щекам.

— Ну всё. Максим Андреевич умрёт на месте.

— При чём тут Максим Андреевич?

— При том, что у него глаза есть.

В день приёма галерея превратилась в сказку. Стеклопанная крыша искрилась гирляндами, в центре зала играл струнный квартет, на белых скатертях сияли бокалы. По залу плыли дамы в жемчугах, мужчины в строгих костюмах и бабочках, и Алиса поначалу чувствовала себя чужой на этом празднике. Но потом пришёл Артём, в смокинге, одолженном у кого-то, с растрёпанными светлыми волосами и сияющей улыбкой, и всё стало проще.

— Ты как богиня, — шепнул он.

— Ты тоже ничего.

— Обещай оставить мне первый танец.

— Обещаю.

Но танцевать они не успели: подошёл Стас, и рядом с ним, чуть позади, возник Максим.

Он был в тёмном костюме и белоснежной рубашке без галстука, в расстёгнутом вороте виднелась смуглая шея. Пиджак сидел на нём как вторая кожа. Алиса вдруг поняла, что

никогда не видела его таким: не рабочим, не усталым, а опасным. Красивым опасной красотой хищника, который знает, что его бояться, и не пытается этого скрывать.

Он смотрел на неё так, что ей стало жарко. Взгляд скользнул по открытой спине, по линии шеи, остановился на лице. Максим коротко сглотнул. Заговорил хрипло:

— Алиса.

— Максим Андреевич.

— Вы... — Он замолчал. Начал снова: — Вы прекрасно выглядите.

— Спасибо.

Рядом кашлянул Артём. Алиса вздрогнула, опомнилась, представила их друг другу, хотя они давно были знакомы. Это вышло глупо и смешно. Стас фыркнул в кулак.

Вечер потёк, закрутился, как вино в бокале. Алиса танцевала с Артёмом, потом со Стасом, который кружил её, как ребёнка, потом снова с Артёмом. Но где бы она ни была, она чувствовала взгляд Максима. Он стоял у колонны, беседовал с кем-то из гостей и ни разу не подошёл. Но смотрел.

К полуночи шум стал почти невыносимым. Алиса, раскрасневшаяся, вышла на террасу, нависающую над заливом. Здесь было тихо. Ветер приносил запах соли, внизу тихо плескалась вода, а над портом висел огромный белый диск луны.

Она облокотилась на перила и прикрыла глаза.

— Вы сбежали.

Голос прозвучал за спиной. Тот самый, низкий, ровный, от которого по коже побежали мурашки. Алиса не обернулась.

— Там душно.

— Да. — Максим встал рядом. Не касаясь, но так близко, что она ощущала жар его тела. — Я ненавижу такие вечера.

— Тогда зачем устраиваете?

— Стас заставил.

— Вы всегда делаете то, что вас заставляют?

— Почти никогда.

Она повернулась. Он смотрел не на залив, а на неё. В лунном свете шрам над бровью казался серебряной нитью, а серо-голубые глаза потемнели до цвета грозового неба.

— Алиса, — сказал он тихо. — Вам нельзя так выглядеть.

— Как?

— Так.

Она могла бы пошутить. Могла бы отшутиться, отступить, уйти. Но вместо этого шагнула вперёд, и расстояние между ними исчезло.

Его руки легли ей на талию: сначала осторожно, будто он боялся, что она растает, потом крепче. Алиса подняла голову. Он наклонился. Их дыхание смешалось. Ещё мгновение, и...

Поцелуй был неистовым. Не нежным, как с Артёмом, не лёгким, а долгим, глубоким, отчаянным. Он целовал её так, словно всё это время сдерживался из последних сил, и те-

перь плотина прорвалась. Её пальцы вцепились в его рубашку, спина прижалась к холодным перилам, мир перестал существовать. Остались только его губы, его руки, шум крови в ушах.

Когда он оторвался, оба тяжело дышали.

— Это ошибка, — хрипло сказал Максим.

— Да, — прошептала Алиса.

Но ни один из них не отстранился.

А в дверях террасы, в тени колонны, неподвижно стоял Артём. В руках он держал два бокала шампанского. Алиса не видела его. И не видела, как медленно, почти беззвучно, он поставил бокалы на подоконник и ушёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.